

крупнейших революций нового и новейшего времени постановка конституционного вопроса становилась начальным этапом всего политического переворота и формально определяла всю борьбу парламентов и монархической власти вплоть до ее свержения. В результате (главным образом под влиянием английского образца) сложилась и была закреплена конституционно определенная модель механизма власти, которая затем интерпретировалась в других социально-политических условиях и, естественно, получила там иное конкретное политическое наполнение, приобрела другие социальные функции. Конституционализм стал основой не только демократического правления, но и легитимирующей формулой новых типов авторитаризма. Поэтому проблемы конституционализма в теоретической мысли и политической практике занимают центральное место в мировой политической культуре новейшего времени. Особое значение в модернизирующихся государствах приобретает вопрос о том, как объяснить нестабильность конституционализма, превращение подлинного конституционализма, провозглашенного первоначально всеми крупнейшими революциями, в мнимый, ставший реальностью в большинстве стран уже в ходе самих революций или сразу после них.

Глубокие изменения общественного и политического строя, происходящие на наших глазах, со всей определенностью свидетельствуют о преходящем характере старых социальных порядков, о необходимости создания новых, более эффективных и совершенных. Современные реформы обнажили суть социального конфликта, выявили структуры и институты, играющие решающую роль в его развитии и исходе, наконец, раскрыли механизм власти и управления, долгое время скрытые от непосредственного наблюдения. В то же время они поставили перед политической наукой ряд вопросов, требующих незамедлительного решения. В их числе: каковы вообще основания разумной социальной организации? существуют ли условия для создания в России гражданского общества и правового государства? какие коррективы, исходя из этого, должны быть внесены в стратегию демократических преобразований? В центре внимания научной мысли совершенно обоснованно оказался главный вопрос всякой крупной демократической реформы: какова та наиболее эффективная модель отношений общества и государства, которая позволит добиться, с одной стороны, стабильного функционирования системы, а с другой — гарантий личности? Разработка этой модели и ее реализация на практике позволяют обеспечить переход от авторитарного правления к современной плюралистической демократии без революционных конвульсий при сохранении преемственности власти и легитимности правления. Становится возможным установление специфики теоретических оснований, стратегии и тактики современного конституционализма в условиях ускоренной политической модернизации.

Поступила в редакцию
17.04.94

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Р. Ф. Туровский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В последнее время в политическом анализе, в работах как профессиональных политологов, так и географов часто используется понятие «политический ландшафт». Обычно под этим термином подразумевается совокупность параметров политического процесса, характерная для некоторой территории. В иных случаях авторам даже удается избежать территориальной привязки и сделать данное понятие синонимичным понятию «политическая культура». Постоянно воспроизводящееся в научной литературе (не говоря уже о публицистике, где понятие «политический ландшафт», как, впрочем, и понятие «геополитика», употребляется подчас совершенно не к месту) неверное использование этого чрезвычайно емкого и удобного понятия заставляет провести его операционализацию, поскольку оно заслуживает того, чтобы стать одним из категориальных понятий политического анализа.

Происхождение понятия «ландшафт»

Понятие «ландшафт» имеет свои корни в географии, точнее говоря, в одной из важнейших географических дисциплин — в ландшафтоведении. По сложившейся традиции многие отечественные географы рассматривают ландшафт как сугубо природное явление. Эта особенность объясняется генезисом понятия «ландшафт» (изначально «природный ландшафт») и сохранением исследовательской парадигмы самой географии как науки по преимуществу природоведческой, точнее, природоцентрической, т. е. исследующей территориальную дифференциацию природных явлений и социальные явления как функцию природных (справедливости ради следует отметить, что существуют и другие, более современные парадигмы, но консенсуса по поводу единой модели географической науки до сих пор нет). Таким образом, географический ландшафт понимается как совокупность природных явлений, причем в идеале не измененных человеком¹. Для преобразованного человеком природного (естественного, географического) ландшафта используется понятие «антропогенный ландшафт». В этом подходе проявляется представление о первичности природы в ландшафтных исследованиях и соответственно о вторичности антропогенного воздействия на природный ландшафт, которое меняет окружающую среду.

Политическое пространство

В описанном виде ландшафт, очевидно, не может быть категорией политического анализа. Для операционализации понятия «политический ландшафт» в рамках политического анализа необходимо прежде всего дать общее представление об основах политической географии. Базовой категорией политико-географического анализа политического

¹ См.: Исаченко А. Г. Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. М., 1965.

процесса является политическое пространство. Любой политический процесс имеет пространственное измерение, анализом которого занимается политическая география. Политико-географический анализ представляет политический процесс в пространственно-временном континууме, где формируются пространственные политические системы разных уровней. Политическое пространство как категория политико-географического анализа представляет собой синтез географического пространства с политическим процессом, многообразие географических объектов, которые выступают в качестве субъектов политического процесса, т. е. элементов пространственных политических систем.

Использование географического метода в политическом анализе значительно облегчается возможностью применения иной географической парадигмы, отличной от природоцентрической. Многие современные географы выделяют свою науку не по предмету, в качестве которого может выступать любое явление, любой объект, а по методу². Специфически географическим научным методом признается хорологический (от греч. *choros* — место), предложенный Альфредом Геттнером³. Упор в хорологическом методе делается на территориальную дифференциацию явлений, различия от места к месту, закономерности территориальных различий, связь явлений с местом, территорией, географическим пространством (вне зависимости от того, природные ли это явления или иные). Методологической основой исследований политического пространства должен быть *хорологический анализ политического процесса*.

Морфология политического пространства

Одно из направлений исследования политического пространства предполагает выявление его морфологии. Подходы к морфологии политического пространства могут разрабатываться особой политической дисциплиной — *политическим ландшафтоведением*.

Прежде чем перейти к собственно политическому ландшафту, следует рассмотреть понятие «культурный ландшафт», частным случаем которого служит понятие «ландшафт политической культуры». Автором понятия «культурный ландшафт» является американский географ Карл Зауэр⁴. Согласно одному из новейших определений, культурный ландшафт — это искусственный ландшафт, который культурные группы создают, заселяя и обживая землю⁵.

В зарубежной литературе речь, как правило, идет только о внешней стороне политического ландшафта, о его видимой облике и причинах формирования этого облика. В таком понимании политический ландшафт по преимуществу *визуален*. Традиция подобного восприятия культурного (политического) ландшафта восходит к работам французского географа Поля Видаль де ла Блаша, говорившего о культурном ландшафте как о коллективной автобиографии, отражающей вкусы, ценности, устремления и страхи определенной культурной группы⁶.

Отсюда следует, что культурный ландшафт в понимании зарубеж-

ных исследователей представляет собой модификацию природного ландшафта человеком, причем способ и формы этой модификации характеризуют творцов данного ландшафта. Такое представление о культурном (политическом) ландшафте соответствует упомянутой нами природоцентрической парадигме в географической методологии⁷. Рассмотрим операциональные возможности этой парадигмы.

«Визуальный» политический ландшафт

По сложившейся традиции именно внешние, видимые изменения в природном ландшафте, автором которых является человек, находятся в центре внимания исследователей политического ландшафта. Т. Джордан и Л. Роунтри рассматривают три категории визуальных политических явлений⁸. Первая из них — влияние на ландшафт правовой системы. Наиболее характерный случай связан с системами землевладения и землепользования, которые всегда легко определены на местности, особенно с воздуха (сохранение частной собственности в сельском хозяйстве Польши в социалистический период истории этой страны привело к тому, что сельский ландшафт Польши, в отличие от ландшафтов других восточноевропейских стран, выглядел как бесконечная череда вытянутых полосок земли). В городах нередко вводятся ограничения на высоту зданий, что ведет к существенным отличиям в городских ландшафтах (два полярных примера политики городских властей — Нью-Йорк и Рио-де-Жанейро). Все видимые последствия правовых норм являются неотъемлемым элементом политического ландшафта, точнее говоря, они делают природный ландшафт политическим.

Второе проявление политики, запечатленное в ландшафте, — это физические свойства государственных границ. Классическим примером маркирования границы, которое имеет глубокий культурно-политический смысл, является Великая Китайская стена. Границы могут представлять не только в виде крепостной стены (в нашем столетии — Берлинская стена, укрепленная демаркационная линия между Северной и Южной Кореей), но и как засечная черта (известные из российской истории Большая засечная черта, Белгородская черта и др.) или в виде контрольно-следовой полосы и линий из колючей проволоки. Атрибутом политического ландшафта «закрытых обществ» является укрепленная граница, на местности выражающая лозунг «граница на замке», ведь физические свойства государственных границ зачастую отражают так называемое «оборонное сознание». В то же время современные пронизываемые границы бывают вообще не маркированы на местности (границы стран Бенилюкса). Во всех этих случаях государственная граница как визуальный элемент политического ландшафта несет на себе отпечаток государственной идеологии.

Политический ландшафт в его видимой части отражает политику центрального или регионального правительства. В нем могут быть запечатлены характерные черты того или иного исторического периода, тем более что власти, как правило, намеренно стремятся произвести изменения в ландшафте. Гиперцентрализация политической жизни часто выражается в рисунке транспортной сети (радиальная система транспортных магистралей с центром в Москве). Политические режимы ис-

² См.: Родоман Б. Б. Уроки географии // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 36—47.

³ См.: Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. Л.: М., 1930.

⁴ Saeger C. O. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. 1925. Vol. II. N 2.

⁵ Jordan T., Rowntree L. The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography. Fourth edition, N. Y., 1986.

⁶ Blache P. Vidal de la. Principles of Human Geography. N. Y., 1926.

⁷ В отечественной литературе новый подход к культурному ландшафту, развивающий с природоцентрической парадигмой, развивает Ю. Веденин (см.: Веденин Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1990. № 1. С. 5—17).

⁸ Jordan T., Rowntree L. Op. cit.

пользуют те или иные объекты природы (горы, реки, моря, озера), культуры (храмы, дворцы, крепости), экономики (заводы, плотины), в качестве символов своего могущества и элементов национальной идеологии. Очень часто они создают собственные архитектурные стили (классический пример — стиль ампир). Милитаризация образа жизни и политического сознания также выражается в ландшафте (например, бетонные укрепления в Албании времен Энвера Ходжи). Большинство политических режимов пытается насытить ландшафт признаками своего присутствия и идеологическими символами (флаги, плакаты, монументы и др.). Наиболее идеологизированными в истории XX в. были политические ландшафты социалистических стран (памятники вождям, мавзолей, многочисленные лозунги на зданиях и др.). Идеологизация политического ландшафта, с одной стороны, является отражением политической культуры, а с другой — призвана воздействовать на массовое сознание. Не случайно радикальный разрыв с прошлым в странах Балтии, Закавказье, на Западной Украине символизировался разрушением памятников В. И. Ленину. Смена идеологии в постсоветском Узбекистане выразилась в замене на одной из ташкентских площадей памятника К. Марксу на памятник эмиру Тамерлану. В то же время визуальный политический ландшафт Приднестровья отличается сохранением всей советской символики, всех традиционных для коммунистической эпохи памятников, что делает его типологически отличным от политического ландшафта Молдовы.

Хорологический метод и новое видение политического ландшафта

В основе предлагаемого нами (на основе хорологической методологии анализа политического процесса) понимания термина «политический ландшафт» — представление о том, что каждая политическая культура вносит свои изменения в природный ландшафт и тем самым проявляет себя в качестве ландшафтообразующего фактора. Данное понятие является одним из основных в политической географии. *Политический ландшафт представляет собой пространственно организованную систему, включающую в себя феномены политической жизни и природные условия и обладающую территориальностью* (протяженностью, площадью). Основное эвристическое значение этого понятия заключается в том, что оно помогает связать политический процесс с окружающей средой, в которой он протекает. Для того чтобы сделать эту связь более эффективной, недостаточно представлений о визуальном политическом ландшафте (видимые объекты и явления, имеющие политический смысл, изменения исходного природного ландшафта в ходе политического процесса).

Политический ландшафт в действительности имеет две формы проявления — идеальную и визуальную. В своей идеальной форме политический ландшафт — это умопостижимое явление исторического бытия, включающее в себя политические события прошлого, политическую активность в данной местности и ее особенности. В своей визуальной форме политический ландшафт предстает наблюдателю как сочетание природы и последствий политического процесса для окружающей среды. «Визуальный» политический ландшафт вызывает у наблюдателя различные ощущения, от которых он (наблюдатель) переходит к анализу специфики и уникальности данного политического ландшафта, т. е. к идеальным представлениям.

Рассматривать политический ландшафт только как визуальное явление нецелесообразно потому, что необходимо объяснение причин по-

явления в ландшафте тех или иных визуальных объектов. Для этого исследователь, отталкиваясь от концепции визуального политического ландшафта, должен обратиться к анализу особенностей местной политической культуры, местного политического процесса в прошлом и настоящем. В то же время другой исследователь, изучающий политическую культуру, неизбежно фиксирует ее внешние проявления, ее воздействие на окружающую среду, ее привязку к той или иной территории с определенными границами. С помощью понятия «политический ландшафт» оба направления исследований объединяются.

Для политической географии любой ландшафт (даже вроде бы самый далекий от политического ландшафта природный ландшафт в толковании отечественных физикогеографов) является политическим ландшафтом. Причина этого — в его связи с политической активностью человека, в его значимости для политической культуры. Носителем таковой значимости служит идеальный, не выраженный непосредственно на местности слой политического ландшафта. Ведь человек не только превращает внешний облик природы и меняет ее свойства, что учитывает в определенной степени физическая география. Он наполняет идеальный (первичный, *докультурный*) природный ландшафт политическим смыслом. Причем этот идеальный слой сам по себе географически дифференцирован — вне прямой связи с природой, а по причинам историческим, политическим, этническим (имеются в виду различия между местными политическими культурами). Таким образом, политический ландшафт далеко не исчерпывается измененным политической деятельностью природным ландшафтом. В отношении последнего речь может идти о *политизированном* природном ландшафте (наделение политическим смыслом природных объектов и насыщение природного ландшафта политическими символами).

Итак, методологическая значимость понятия «политический ландшафт» заключается в следующем. Во-первых, каждый конкретный политический ландшафт занимает конкретную территорию. Тем самым он связывается с местной политической культурой, которая выступает в качестве компонента местного политического ландшафта. Во-вторых, политический ландшафт связан с другим его компонентом — с природой, природными условиями. В-третьих, политический ландшафт связан с политическим процессом, с системой политических изменений. Тем самым политический ландшафт как категория политического анализа представляет комплексную территориально-природно-политическую систему. Использование этой категории позволяет воедино связать территорию, природу и политический процесс.

Территория как компонент политического ландшафта

Понятие «политическая культура» первоначально ассоциировалось с конкретным государством: подразумевалось, что каждое государство обладает своей оригинальной политической культурой. Этот подход был развит Г. Алмондом и С. Вербой в их монографии, в которой рассматривались национальные политические культуры США, Великобритании, Италии, Германии и Мексики⁹. Но исследования внутренней дифференциации государств с точки зрения политических ориентаций избиратель и ценностных систем, которым они следуют, показывают, что политическая культура не одинакова для всех территорий и можно наряду с национальной политической культурой, представление о которой в значи-

⁹ Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. N. Y., 1963.

тельной мере генерализовано, рассматривать региональные политические культуры.

Особые системные связи существуют между политикой и культурой. Любое исследование политической культуры предполагает ее характеристику в более широком, общекультурном контексте. Поэтому в анализе политических культур включается территориальная дифференциация населения по этническому, конфессиональному, языковому и другим признакам, по особенностям исторического развития территорий и т. д. Культура в нашем мире в значительной степени политизирована. Она «поставляет» материал для политических идеологий (национализм — наиболее яркий тому пример). Поэтому политическая география включает в себя исследование культурно-политической интегральности.

Все явления политики и культуры взаимосвязаны в пространстве в единую интегральную систему. В основе такого представления лежит понимание того факта, что политические феномены существуют не сами по себе, а в составе единой сложной целостности. Интегральные культурно-политические системы могут быть разного ранга, размера, уровня сложности. Каждая такая система включает в себя определенный набор взаимодействующих и взаимосвязанных политических характеристик.

Проблематика интегральных культурно-политических систем тесно связана с географическим моделированием. Модели позволяют выразить внутреннюю территориальную структуру и организацию интегральных систем. Эти модели могут быть картоидными, т. е. демонстрирующими в генерализованном виде основные выраженные в пространстве элементы данной системы и их взаимную связь, могут отображать основные политические явления, сочетающиеся в данной системе и создающие ее образ.

В основе представления о культурно-политической интегральности лежит понимание того, что одни явления культуры и политики порождают другие, и все они существуют в рамках единой системы. Взаимодействие различных политических культур часто приводит к возникновению переходных зон и к заимствованию инородных элементов.

Суммируя все вышесказанное, отметим, что изучение культурно-политической интегральности прежде всего раскрывает взаимосвязь распределения культурных явлений с политическими и одних политических феноменов с другими и описывает целостные политико-географические системы, которые можно определить как региональные политические культуры.

Природа как компонент политического ландшафта. Политическая экология

В рамки политической экологии заключена значительная часть традиционной проблематики взаимодействия природы и человека. Исследование взаимоотношений политической сферы и окружающей среды составляет основу политической экологии.

Важнейшая особенность политической экологии состоит в том, что она изучает взаимодействие природы и человека в качестве носителя определенной политической культуры, а не *видовой популяции Homo sapiens*. Это научное направление отличается двусторонностью, смысл которой заключается в том, что политическая экология изучает как влияние природных условий на политическую культуру, так и воздействие политических сил на окружающую среду. В рамках политической экологии целесообразно рассмотреть такие известные течения научной

мысли, как «географический» детерминизм, попсибилизм, ландшафтная перцепция и культурный детерминизм.

«Географический» детерминизм, который корректнее называть *природным* или *энвайронментальным*, имеет длительную историю развития. Сторонники этого направления склонны рассматривать природу в качестве активного фактора культурогенеза, отводя человеку пассивную роль и объясняя особенности локальной политической культуры климатическими и другими природными условиями. Античные философы (Гиппократ, Геродот, Полибий), Ш. Монтескье, А. Тюрго и другие напрямую связывали общественное устройство с климатом, почвами и иными природными явлениями. Исследования в рамках доктрины природного детерминизма принесли науке немалую пользу, раскрыв многие особенности воздействия природной среды на культуру¹⁰. Современная политическая география, избегая крайностей природного детерминизма, включает в себя специальные исследования роли природной среды в формировании политических культур. Они составляют часть политической экологии, которую можно назвать энвайронменталистской. Детерминация политической сферы, законодательства и системы власти с природными факторами особенно характерна для традиционных обществ.

С другой стороны, на многих политико-экологических исследованиях лежит печать *культурного детерминизма*, когда в центре внимания оказывается человек как преобразователь природной среды. В культурном детерминизме нашла свое выражение тенденция представлять людей «покорителями» природы, с ее философским пафосом эпохи Просвещения. В русле западной культурной традиции человеческое воздействие на окружающую среду считалось освященным свыше. Насилие над природой (рассматриваемое как ее преобразование и даже улучшение) было составной частью политических идеологий, развивавшихся многими режимами, в том числе советским. Позднее это преувеличение, так же как и его антипод — природный детерминизм, было преодолено. Изучение воздействия местной политической культуры на внешний облик и физические характеристики окружающей среды представляет собой специальное направление политической экологии, которое, как и все политико-экологические исследования, пересекается с политическим ландшафтоведением.

Поссибилизм как важнейшее интеллектуальное направление в географической мысли имеет более чем полувекую историю. Преодолев жесткий природный детерминизм, попсибилисты (прежде всего французский географ Видаль де ла Блаш) утверждали, что природа «ставит пределы» для развития культуры. Актуальный способ взаимодействия человека и природы в конкретном ландшафте зависит от тех возможностей, которые предоставляет человеку природа, от выбора, сделанного людьми из этого набора возможностей на основе собственных представлений о мире, черпаемых из национального культурного наследия. В попсибилизме упор делается на культурную адаптацию, т. е. на длительное приспособление человека к окружающей среде посредством своей культуры (включая политическую культуру).

Исследование *ландшафтной (энвайронментальной) перцепции* также является неотъемлемой частью современной политической экологии. Оно фокусирует свое внимание на ментальных образах окружающей

¹⁰ См.: Кришюнас Р. Л. Географические факторы развития общества: экология концепций // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 10. М., 1989. С. 50—73.

среды, характерных для различных политических культур. Эти образы представляют собой ментальные политические ландшафты. Каждая политическая культура обладает своим образом окружающего мира, запечатленным в ее идеологических произведениях. Перцепция ландшафта индивидуальна не только для каждой политической культуры, но и для каждого человека в отдельности. В определенном смысле перцепционизм имеет дело с искажениями представлений о природном ландшафте, но, с другой стороны, его исследования дают представление о внутреннем мире локальных, региональных, национальных и цивилизационных политических культур.

Связь природы и политики является многозначной и многоплановой. Для политической географии особенно важно определение физико-географических параметров государства, в том числе таких, как выход к морю, наличие внутренних труднопреодолимых барьеров, преобладающие ландшафты и их свойства, внутренние водные пути, соотношение гор и равнин¹¹, физические особенности границ¹², островное положение и/или наличие островных эксклавов, опасные природные явления, приводящие к стихийным бедствиям и т. д. Влияние этих параметров на политический процесс трудно переоценить. Следуя посибилистской традиции, можно заявить, что всякое государство адаптирует свою политическую систему к природным условиям, в которых оно существует. Особую форму политической экологии представляет традиционная геополитика XIX — начала XX в. В ряде работ это направление трактуется как экологический взгляд на геополитику и проявление «биологического империализма»¹³.

Композиционные слои политического ландшафта

Итак, политический ландшафт — это синтез множества элементов, сложная система, обладающая временной динамикой, это гармония (или дисгармония) природы и политики, истории и географии. Его можно представить как систему, включающую три композиционных слоя — природный, идеальный и воплощенный.

Природный слой политического ландшафта видится нам как совокупность природных явлений и условий, которые в каждом конкретном случае значимы для политической сферы. Эта значимость проявляется в системе взаимодействия «природа—культура» следующим образом. Природа оказывает непосредственное влияние на традиционные представления о мире (видение мира, *world-view*). Природные условия ставят пределы возможностям политического развития, применения политических технологий, использования элементов иных политических систем и корректируют ассимиляцию заимствованных элементов (слож-

¹¹ С точки зрения ландшафтной карты идеальное государство должно иметь горы вдоль своих границ и равнину внутри (близким к описанному распределением форм рельефа обладает Франция). Наличие внутренних барьеров может подпитывать сепаратизм и регионализм.

¹² Проблема национальной безопасности (моря, горные хребты, леса и болота, пустыни), а в прежние эпохи природный фактор играл ведущую роль в обеспечении безопасности. Возникли даже государства-крепости (*folk fortresses*), защита которых обеспечивалась именно таким способом (пример — Сан-Марино, многие крупные государства). С другой стороны, государства, не имеющие «опоры на природу», традиционно подвергались вторжениям извне и теряли независимость (пример — Польша).

¹³ Kearns G. *Fin de Siecle Geopolitics: Mackinder, Hobson and Theories of Global Closure//Political Geography of the Twentieth Century: a global analysis/Ed. by P. J. Taylor. L., 1993.*

ные природные условия не раз в истории востребовали централизованное государство)¹⁴. Вспомним также дискуссию о том, насколько в России с ее суровым климатом применима рыночная модель экономики. Под влиянием природы формируются национальная политическая культура, ценностные ориентации. Природа является ареной для человеческой деятельности, а ее внешний облик вместе с природными условиями становятся одной из первооснов визуальной формы политического ландшафта. Для национальной политической культуры природа выступает в качестве «поэтического пространства», апелляция к которому особенно характерна для национализма¹⁵, который может описываться с помощью понятия «топофилия», т. е. «любовь к месту», в данном контексте — к месту, исполненному политического смысла¹⁶. Собственно говоря, представление о Родине — это и есть политизация природных ландшафтов. Природный ландшафт в ходе политического процесса насыщается политическими смыслами, он ассоциируется с великими сражениями и другими значимыми историческими событиями, с национальными символами и др. (например, Куликово поле, гора Арарат). Специальные исследования природного слоя политического ландшафта особенно характерны для географического детерминизма.

В то же время человек вносит свой существенный вклад в формирование политического ландшафта. Говоря о *воплощенном слое* политического ландшафта, мы имеем в виду политическую деятельность, направленную на изменение внешнего облика ландшафта или непосредственно вызывающую эти изменения. Сюда относятся прежде всего строительство — «стройки века» и иные имеющие политическое значение проекты, изменяющие окружающую среду. Нередко такое строительство носит рекламный характер, оно призвано продемонстрировать возможности человека при том или ином государственном строе (плотина и проект «поворота рек» в Советском Союзе). Архитектурные особенности всех этих построек создают *архитектонику* политического ландшафта, меняющуюся во времени и предстающую теперь перед современным исследователем. В любом случае политическая культура выступает как основной фактор ландшафтообразования, а практически повсеместный характер человеческой активности свидетельствует о том, что, за исключением редких уголков девственной природы, любой ландшафт имеет признаки политического ландшафта.

Третий композиционный слой политического ландшафта целесообразно именовать *идеальным слоем*. Несмотря на то что этот слой невидим, без обращения к нему любое исследование политического ландшафта будет лишь поверхностным описанием внешних явлений и видимых последствий той самой деятельности, которая совершалась и совершается в идеальном слое политического ландшафта. Речь идет об идеологическом наполнении политического ландшафта, о его информационном содержании.

Во-первых, идеальный слой создается политическими процессами прошлого и настоящего на данной территории. Эти процессы далеко не всегда отражаются в визуальном ландшафте. Но в идеальном ландшафте они предстают как элементы местной политической культуры. Архетипы сознания и поведенческие императивы являются неотъемлемой частью политического ландшафта, который, повторимся, должен рассматриваться только как комплексное явление.

¹⁴ О связи цивилизаций с долинами крупных рек см.: Мечников Л. И. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1924.

¹⁵ Smith A. D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986.

¹⁶ Yi Fu Tu a n. *Topophilia*. Prentice Hall; Englewood Cliffs, 1974.

Во-вторых, идеальный слой формируется благодаря индивидуальной активности государственных деятелей, *пассионариев*¹⁷. Политический ландшафт получает, таким образом, связь с пассионариями и результатами их деятельности, причем эта связь носит двоякий характер. С одной стороны, политический ландшафт «производит» пассионариев, «воспитывает» их, наделяет впечатлениями, формирует их сознание, взгляды и представления, симпатии и антипатии. С другой — сами пассионарии, в свою очередь, создают, изменяют, обогащают политический ландшафт своими политическими произведениями, идеями и др.

Элементы политического ландшафта

Из всего вышесказанного следует, что политический ландшафт складывается из взаимодействующих друг с другом элементов двух типов — *физических и метафизических*. Во-первых, к физическим элементам политического ландшафта относятся природные объекты и их свойства, природные процессы и их результаты, природные свойства местности (*природные элементы*). Речь идет об особенностях рельефа местности и тектонических процессов, гидрологии, растительного покрова, животного мира, климата, почв, ледникового покрова и вечной мерзлоты и пр. Принимается во внимание и изменение этих свойств в результате антропогенных процессов. Вопросы географии этих элементов, их взаимодействия и развития рассматриваются и физико-географическим ландшафтоведением, но в отрыве от их связи с человеческой культурой.

Во-вторых, в политическом ландшафте в явном виде присутствуют результаты человеческой деятельности, преобразующей облик природных ландшафтов, — эффект политической культуры (*натуроморфные элементы*). В частности, это могут быть антропогенные формы рельефа, искусственные насаждения, созданные человеком водные объекты и иные антропогенные модификации природных явлений. Внимание традиционного физико-географического ландшафтоведения к этим элементам все более возрастает по мере усиления человеческого прессинга на природу. В таких исследованиях, как правило, говорится об антропогенных ландшафтах, которые также принято именовать культурными ландшафтами (но этого смешения понятий теперь следует избегать в связи с развитием культурной географии).

Особое место в политическом ландшафте занимают имеющие политический смысл творения человеческих рук: политическая символика на улицах, монументы, музеи и другие «культовые места» политики, «стройки века» и тому подобное (*искусственные элементы*), которые далеко не в полной мере включаются в антропогенные ландшафты физической географии, а если и включаются, то не сами по себе, а с точки зрения их воздействия на «первоначальную» природу. Что касается политических ландшафтов, то без учета результатов творческих процессов, которые обогащают природный ландшафт, исследование будет выглядеть однобоким.

Метафизические элементы политического ландшафта не являются визуальными. Они связаны с людьми, заселяющими данную территорию, с их творческой деятельностью и существуют в их сознании и в продукции человеческого разума, не выраженной непосредственно в физическом ландшафте. К метафизическим элементам относятся свойства

¹⁷ О понятиях «пассионарий» и «пассионаризм» см.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли, Л., 1990.

людей как участников политического процесса, населяющих данный политический ландшафт.

Творческая деятельность человеческого разума, не выраженная в ландшафтной морфологии, также присутствует в метафизических элементах политического ландшафта (тем самым политический ландшафт становится элементом ноосферы). Среди этих элементов следует выделить политические идеологии. Особое место в политическом ландшафте занимают также жизнь и творчество выдающихся людей — пассионариев. Элементами политического ландшафта являются и политические произведения: литература, живопись, музыка, архитектура, скульптура и т. п. В политический ландшафт входят научное и философское творчество, процессы воспроизводства политических идей. Экономические функции и политический статус территории, формирующие специфические особенности социума и создающие образ места, также выступают в качестве метафизических элементов политического ландшафта. В целом все эти элементы создают систему смыслов и ценностей, т. е. духовную организацию политического ландшафта.

Перечисленные выше физические и метафизические элементы политического пространства в их значимости для человеческой культуры с точки зрения размещения и территориальных различий объектов, свойств и процессов, рассматриваемые как составляющие территориальных природно-культурных систем типа политических ландшафтов, являются предметом политической географии.

Эволюция политического ландшафта

Поскольку политический ландшафт не только располагается на территории, но и развивается во времени, он складывается из серии *исторических пластов*. В видимой части политического ландшафта эти пласты могут быть представлены в разной степени, а могут и вообще не присутствовать.

В идеальном слое исторические пласты находятся в виде исторической памяти народа, произведений, несущих политическую информацию, и научных исследований, воссоздающих картины прошлых политических процессов. Каждая эпоха не просто оставляет свой след во всех слоях политического ландшафта, но и трансформирует его, зачастую коренным образом. Те политические ландшафты, которые мы наблюдаем сегодня, являются в большинстве случаев результатом длительного эволюционного развития.

Динамическое развитие политических ландшафтов — особая тема. У каждой эпохи была своя территориальная система политических ландшафтов, на каждом временном отрезке в ландшафт привносились свои ценности, стили и образы, своя ландшафтная архитектоника. Современные политические ландшафты, таким образом, несут на себе следы времени, когда они начали складываться, и всех последующих эпох. Причем в идеальном (информационном и архетипическом) слое вся история развития политического ландшафта присутствует в возможно полном объеме.

При историческом изучении политического ландшафта следует принимать во внимание следующие его аспекты. Прежде всего это *генезис* культурного ландшафта: речь идет о первом толчке к появлению данного ландшафта, о его «первых шагах» в истории и об основных чертах эпохи, в которую это происходило, ее ценностях и представлениях. В ходе исторического развития политического ландшафта наблюдается *перекрытие* его исторических пластов. Каждая новая эпоха по-своему

перестраивает ландшафт, зачастую не заботясь о сохранении прошлого. Постоянное обновление, выраженное сильнее, чем дополнение старого, и приводит к перекрытию пластов. Степень и способ этого перекрытия — предмет индивидуализирующего конкретные политические ландшафты анализа (например, в воплощенном слое политического ландшафта большинства российских городов до сих пор преобладает советская политическая культура). Следует особо отметить, что важную роль в перекрытии исторических пластов политического ландшафта играют миграции населения. При полной смене населения региона можно говорить о полном перекрытии прошлых исторических пластов, об их *закрытии* (так, после 1945 г. полностью изменились политические ландшафты Восточной Пруссии и Южного Сахалина, были закрыты соответственно германский и японский пласты политического ландшафта). Более всего перекрытие пластов выражается в визуальном политическом ландшафте, обновление которого идет постоянно. Действительно, внешний облик ландшафтов очень изменчив. Идеальная сфера, наоборот, весьма консервативна, но и в идеальном ландшафте перекрытия имеют место: при смене населения региона, а также при интенсивном внешнем воздействии на сознание, нарушающем эволюционное развитие, разрушающем историческую память и связь времен (попытка, правда не вполне удавшаяся, разрушить в русском политическом ландшафте идеальный слой, связанный с православным самосознанием).

Эволюционное развитие политического ландшафта позволяет говорить и о *трансформации* его слоев. В природном слое происходят антропогенные изменения, природных ландшафтов, меняются климат, состав растительного покрова и животного мира, почвы и т. д. В воплощенном слое человек ведет активное строительство, разрушаются старые сооружения, появляются новые, облик местности подвергается тем или иным изменениям. В идеальном слое идет духовная эволюция, в какой-то степени меняются ценности, стереотипные представления. Все это, вместе взятое, означает постоянное перерождение политического ландшафта на всех уровнях — от самого лабильного воплощенного слоя до самого консервативного, архетипического идеального.

Поступила в редакцию
26.02.95

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС РОССИИ

Г. И. Авцинова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ И ПУТИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

В отечественном обществоведении сложилась парадоксальная ситуация. В научных кругах, в среде широкой общественности довольно активно обсуждаются проблемы жизнеспособности либеральных идей на российской почве¹. В современных условиях, когда с особой остротой встал вопрос о соотношении старого и нового, традиций и реформ, повышается интерес и к консервативному направлению общественной мысли². Так или иначе, но в научных кругах идет обсуждение проблем и перспектив российского либерализма и консерватизма. Иное дело с радикализмом. Этот феномен, имеющий в России глубокие корни, в концептуальном аспекте современными исследователями не анализируется, хотя есть некоторые публикации³, а те или иные аспекты этой сложной и многогранной проблемы фрагментарно затрагиваются в дискуссиях и статьях о русской ментальности, политической культуре, большевизме, тоталитаризме, авторитаризме и т. д. Несмотря на обилие суждений и наблюдений, расширяющийся массив исследований по вопросам, в той или иной степени касающихся феномена радикализма, пока нет обобщающих работ, где разносторонний опыт радикализма был бы концептуально осмыслен. В работах русских философов — Н. Бердяева, С. Франка, С. Булгакова, Л. Каравина, Н. Лосского, Г. Федотова, И. Ильина — данная проблема выдвигалась, но и этот пласт недостаточно обобщен и проанализирован в интересующем нас аспекте.

Термин «радикализм», широко эксплуатируясь средствами массовой информации, учеными, носит пропагандистско-лингвистический характер. В настоящей статье анализируются различные подходы к толкованию этого понятия, обосновывается предпочтительность социокультурного ракурса исследования, намечаются пути нейтрализации политического радикализма.

Всесторонний, комплексный анализ этого феномена помогает глубже понять особенности политического процесса, политического сознания и поведения россиян. Содержательный аспект данного явления и его российское своеобразие сегодня становятся актуальной не только научно-исследовательской, но и социально-практической задачей, от решения которой зависят грамотность и обоснованность политики.

Исторически радикализм возник в Англии в конце XVIII в. и быстро распространился в Европе как широкое политическое, философское,

¹ См.: Капустин Б. Г. Кризис ценностей и шансы российского либерализма // Полис. 1992. № 5—6; Капустин Б. Г., Клямкин И. М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. № 1; Рормозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1; Кара-Мурза А. А. Что такое российское западничество? // Полис. 1993. № 2; и др.

² См.: Гусев В. А. Консервативная политология Ивана Ильина // Социологические исследования. 1992. № 4; Филиппова Т. А. Предчувствие ностальгии // Свободная мысль. 1993. № 9; и др.

³ См.: Кириллова Е. А. Очерки радикализма в России XIX века. Философско-исторические концепции 40—60-х годов. Новосибирск, 1991; Демидов А. И. Политический радикализм как источник правового нигилизма // Государство и право. 1992. № 4; Логинов В. Не только западный феномен // Свободная мысль. 1993. № 4.